

ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА В РОССИИ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ И. В. СТАЛИНА О БАЗИСЕ И НАДСТРОЙКЕ

Б. Д. Греков

Мысли, высказанные И. В. Сталиным в труде «Марксизм и вопросы языкознания», особенно о базисе и надстройке, заставляют историков многое заново продумать, многое уточнить и пересмотреть в своих работах. В свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке историки СССР должны пересмотреть вопрос о генезисе феодализма.

Для изучения этого древнего периода истории нашей Родины теоретические соображения особенно важны, поскольку мы располагаем очень небольшим количеством исторических источников, характеризующих время становления феодальных отношений.

Подходя к решению этого вопроса, исследователь прежде всего должен иметь ясное представление о сущности феодализма. Дворянская и буржуазная историография либо вообще отрицала существование феодализма в России либо понимала под феодализмом определённый строй юридических отношений, соответствующий феодальной раздробленности. В последнем случае начало феодализма на Руси связывалось с появлением политической раздробленности.

Только в трудах классиков марксизма-ленинизма, создавших учение о социально-экономических формациях, вопрос о сущности феодальных отношений нашёл подлинно научное решение. Классическое определение феодального строя дано И. В. Сталиным: «При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на своё частное хозяйство, основанная на личном труде»¹.

Не всегда легко установить точные хронологические грани в образовании той или иной общественно-экономической формации, особенно когда это касается древнейших периодов истории народов, когда протекал длительный процесс изживания родовых отношений и рождалось классовое общество со своей надстройкой.

Нам надлежит сейчас рассмотреть один из самых трудных для изучения периодов в истории восточнославянского общества. Трудность заключается в том, что этот период очень скудно освещён источниками. В нашем распоряжении имеются письменные, лингвистические и археологические источники. Письменные и лингвистические данные давно уже хорошо известны и в полной мере использованы в работах наших историков. Однако в силу своей отрывочности и неполноты они не могут создать цельного представления о сложном процессе становления и вызревания феодализма.

На помощь историку приходит археология, значение которой за последние десятилетия неизмеримо выросло. Археологические исследования, дающие всё новые и новые материалы, чрезвычайно расширили на-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

ши горизонты в изучении древнейших исторических судеб восточного славянства. Археология уже сыграла огромную роль в развитии нашей науки и заполнила многие пробелы и «белые пятна» в наших представлениях о генезисе феодализма на Руси. В будущем археология, несомненно, будет играть ещё большую роль.

Историческая наука при изучении древнейших периодов в истории народов не может в настоящее время не опираться на прочную основу археологических исследований. Успехи нашей археологии позволили украинским археологам В. Довженок и М. Брайчевскому поставить вопрос о необходимости новой периодизации истории древней Руси. В случайном они отмечают, что «вопрос о сущности Киевского государства IX—X вв. и социальной организации восточных славян того времени нельзя было правильно решить до тех пор, пока в распоряжении науки не было данных о развитии древнеславянского общества в предшествующий, так называемый антский (II—VII вв. н. э.) период»².

Огромное значение археологических данных для изучения древнейшего прошлого нашей страны очевидно. Совершенно очевидна и необходимость рассмотрения этих данных в свете марксистской теории.

Мощным толчком для теоретического переосмысления целого ряда исторических проблем, в частности проблемы генезиса феодализма в России, явилась классическая работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Учение И. В. Сталина о базисе и надстройке позволяет заново осмыслить весь накопленный материал (археологический и неархеологический), позволяет по-новому рассматривать древний период нашей истории, в частности по-новому трактовать проблему генезиса феодализма на Руси.

В настоящей статье я хочу проанализировать уже хорошо известные факты, а также рассмотреть результаты новых исследований под углом зрения учения И. В. Сталина о базисе и надстройке.

Можем ли мы, используя имеющиеся у нас источники, проследить процесс становления феодального базиса и возникновения феодальной надстройки? Да, можем, если будем рассматривать данные археологии и данные письменных источников в свете учения И. В. Сталина о взаимодействии базиса и надстройки.

Считаю полезным напомнить фактическую сторону дела уже по одному тому, что в угоду предвзятой идее она порой игнорировалась и устранялась при помощи искусственных источниковедческих приёмов. Между тем факты, будучи сопоставлены друг с другом, очень внятно говорят сами за себя. Они смогут нам сказать ещё больше, если мы рассмотрим их в свете замечательных сталинских высказываний о базисе и надстройке.

Что же нам известно? Во-первых, нам известны, главным образом из данных археологии и отчасти из письменных источников, основные этапы социального развития славян, в частности восточных, в течение I тысячелетия нашей эры. Приблизительно до V века н. э. славянство переживало стадию развитого родового строя, хотя уже и в это время налицо были элементы разложения этого строя. Археологическое изучение культуры «полей погребений» (носителями которой были, в частности, племена полян, северян, волянич, уличей, бужан, белых хорватов и т. п.) позволило Б. А. Рыбакову сделать ряд важных и интересных наблюдений. У славян этого периода господствует пашенное земледелие и осёдлое скотоводство. Славяне живут в укрепленных поселениях. Вместе с тем наблюдается развитие ремесла, обмена, отмечается строительство оборонительной линии на юге.

Археологические исследования более северных районов нашей страны также дают чрезвычайно интересный материал для данного периода. Проф. П. Н. Третьяков открыл родовой посёлок Березняки, о котором уже

² «Вопросы истории» № 8 за 1950 г., стр. 68.

стало известно далеко за рубежами нашей страны. Этот посёлок относится к III—IV вв. нашей эры.

Во-вторых, благодаря работам наших археологов Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и других мы знаем поселения и более позднего времени. Они уже несколько иного типа, селения уже не укреплены. Рядом с неукреплёнными деревнями можно наблюдать укреплённые жилища отдельных богатых людей. Для нас совершенно безразлично, из какого строительного материала сооружены эти жилища. Нам важно знать их назначение. А догадаться, в чём тут дело, нетрудно. Это богатый и политически сильный землевладелец, властвующий над массой крестьянского населения. Он укрепляет своё жилище, потому что знает враждебное отношение к себе окружающей массы. Эти неукреплённые посёлки и укреплённые жилища знати уже известны археологам приблизительно с VII в. нашей эры.

В-третьих, мы не сомневаемся, что это жилища-замки именно богатых землевладельцев, так как хорошо знаем, что страна наша в то время была земледельческой, и делаем отсюда бесспорный вывод, что при этом условии должна была появиться частная собственность именно на землю, и она появилась.

В-четвёртых, мы знаем, что богатые землевладельцы непосредственно производительным трудом не занимались, что на них работала челядь, то есть рабы и разными путями попавшие в зависимость крестьяне-смерды. Смердами в доклассовом обществе назывались вообще свободные люди. В классовом обществе они оказались внизу «общественной лестницы», под боярами. Этот тезис доказан на основании материалов, собранных филологами.

В-пятых, нам известен уровень культуры наших предков IV—VIII веков. Б. А. Рыбаков с полной убедительностью показал состояние этой культуры в своей известной книге «Ремесло древней Руси». Данные о достаточно высокой культуре того времени вполне согласуются с археологическим изучением социального развития восточного славянства. Особенно важны наблюдения Б. А. Рыбакова над знаками княжеской и боярской собственности X—XII веков. По мнению Б. А. Рыбакова, следы таких знаков у знатных людей прослеживаются начиная с VI—VII веков.

Из работ Б. А. Рыбакова, В. И. Равдоникаса и других мы знаем, что появление городов на Руси относится ко времени VII—VIII веков. А это означает уже обнаружившуюся противоположность между городом и деревней, то есть переходное время «от племенного строя к государству»³. Это есть результат отделения «промышленного и торгового труда от труда земледельческого»⁴.

Все эти факты, сравнительно недавно вошедшие в обиход нашей науки, изредка, — правда, безуспешно — оспариваемые, даёт нам археология. Эти факты очень сильно помогают нам понять и сообщения наших письменных источников. Их у нас немного, они довольно разнообразны (арабские, византийские, римские, готские и наши русские, к сожалению, довольно поздние и далеко не обильные).

Что же сообщают нам письменные источники? Иордан (автор VI в.) сообщает нам о фактах IV в., которые свидетельствуют уже о процессе разложения родового строя у славян. Иордан рассказывает, что в ходе борьбы антов с остготами, протекавшей с переменным успехом, вождь остготов Венитар в конце концов в 374 г. одержал победу и захватил в плен вождя антов Божа вместе с его сыновьями и 70 старейшинами. Это сообщение говорит нам о появлении уже в IV в. у антов сильных военных вождей, распространявших свою власть если не на всех антов, то, по край-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 40.

⁴ Там же, стр. 12.

ней мере, на весьма значительную их часть. Бож был популярен на Руси и позднее. Его знает и «Слово о полку Игореве».

Несомненно, что время византийских походов было связано со значительными социальными сдвигами внутри славянского общества. В VI в. в источниках уже появляется указание на существование народа «рос». Автор, сообщая эти сведения (псевдо-Захария), подчёркивал могучее телосложение этого народа и указывал на то, что «росы» предпочитают пеший строй конному («Кони не могут носить их вследствие их тяжести»).

Другой автор VI в., византийский историк Прокопий Кесарийский, даёт нам более развёрнутые сведения о политической и социальной жизни славян. Прокопий сообщает, что у славян и антов «вся жизнь и законения одинаковы», что они не подчиняются одному властителю, а «живут в демократии».

Прокопий сообщает также некоторые характерные детали о религии антов. Оказывается, анты знали единого бога Перуна, творца молний, владыки над всем. Это говорит нам, что уже в VI в. анты находились не на примитивной стадии своего социального и духовного развития, а достигли сравнительно высокого уровня. Первые две стадии в развитии религиозных представлений (тотемизм и культ родовых богов) в VI в. для антов уже были пройденным этапом.

Мы имеем все основания считать, что Прокопий описывает славян и антов в период так называемой «военной демократии», когда вооружённый народ, организованный в определённый порядок, выступал под водительством своих вождей против Византии. Все эти сообщения позволяют утверждать, что «военную демократию» у славян Прокопий видел не в начальной стадии её существования, а в конечной.

Важные сведения о социальной жизни славян сообщает Маврикий Стратег, византийский военный писатель VI века. Он говорит об особом положении пленных у славян. Маврикий, видимо, удивлялся необычному для него обхождению славян с пленниками. Он писал: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как другие народы, в течение неограниченного времени, не ограничивая (срока плена) определённым временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться во-своих или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей». Несомненно, положение пленного у славян радикально отличалось от судьбы пленника в Византии. Здесь он не превращался в раба, тем не менее попытки задержать пленника до получения за него выкупа говорили о том, что внутри славянского общества уже были социальные элементы, готовые использовать пребывание у них пленных в своих интересах.

Таким образом, сообщение о деятельности вождя антов Божа в IV в., свидетельства об общественном и политическом строе славян в VI в., сведения о состоянии их религиозных представлений, известия о борьбе славян с Византией и о военных походах на Балканы, во время которых славяне выступали как серьёзная военная сила, оказавшаяся способной овладеть хорошо укреплёнными крепостями византийцев,— все эти данные письменных источников, сопоставленные с открытиями советских археологов, приобретают теперь для нас более глубокий смысл.

Значительно расширяют наши представления о социальной и политической жизни восточного славянства этого времени и арабские источники. Сообщение Масуди (автор IX в.) о наличии на Волыни в VI в. политического объединения славян подтверждается и русской летописью. Приблизительно в VIII в., по свидетельству других арабских авторов, на территории Восточной Европы возникло несколько государственных образований, уже более зрелых и прочных, чем политическая организация на Волыни в VI веке. Этими государственными образованиями были Куявия, Славия и Артания, прямые предшественники обширного древнерусского государства. Существование этих политических образований находит своё

ковенное подтверждение и в дошедшей до нас древнейшей арабской карте Восточной Европы. Очень вероятно, что на территории Восточной Европы в период с VI по VIII в. возникали и другие политические объединения, существование которых мы пока только можем предполагать.

«Повесть временных лет» как будто подтверждает такое предположение сообщением о существовании особых княжений у полян (где «держали... княжение» Кий, Щек и Хорив, а потом их потомки), а также указанием на наличие подобных княжений и в других восточнославянских землях (...«княжение в Деревлях свое, а в Дреговичах свое, а Словене свое в Новгороде»). Этот легендарный рассказ в своей подоснове, несомненно, содержит элементы реальной исторической действительности.

Возникшие на основе роста имущественного и политического неравенства, эти политические организации содействовали дальнейшему упрочению экономических и политических позиций землевладельческой знати.

Таким образом, изучение данных археологии и письменных источников (византийских, арабских и др.), правильное их теоретическое осмысление заставляет нас придти к выводу, что отдельные показания сравнительно поздних русских источников («Русская Правда», летопись, где помещены договоры с греками и др.) могут быть отнесены не только к X—XII вв., но и к значительно более раннему времени. Подходя к этим русским источникам, мы уже знаем, что перед их появлением русский народ успел пройти длительный путь своего развития, что успехи его на этом пути были уже весьма значительны и что, следовательно, источники эти не только являются основой для изучения русского общества X—XII вв., но могут и должны быть использованы при анализе более ранних периодов истории древней Руси.

Огромное значение для понимания процесса становления классового, феодального общества имеет «Русская Правда» и прежде всего её древнейшая часть.

Исторические корни «Русской Правды» уходят в далёкое прошлое. Ещё Прокопий Кесарийский в VI в. заметил, что у славян и антов «вся жизнь и узаконения одинаковы». Конечно, подразумевать под этими «узаконениями» «Русскую Правду» нет никаких оснований, но признать наличие каких-то норм, по которым текла жизнь антов и которые запомнились знатоками обычаев и сохранялись родовыми властями, необходимо. Недаром русское слово «закон» перешло к печенегам и было у них в обиходе в X веке. Можно с уверенностью сказать, что кровная месть, например, была хорошо известна в то время и вошла, хотя и в урезанном виде, в «Русскую Правду», где жила до законодательной отмены в XI веке.

Не приходится сомневаться и в том, что родовая община с её обычаями в процессе разложения, происходившем под влиянием развития института частной собственности на землю, превратилась в общину соседскую с определённым кругом прав и обязанностей. Эта новая община нашла своё отражение в «Русской Правде». Едва ли можно сомневаться в том, что довольно рано в восточнославянском обществе появился суд и определённая система судебных доказательств. Это так называемые «ордалии», то есть испытание водой и железом. Это явление также нашло своё отражение в «Русской Правде».

Практика денежных выкупов, сменявшая постепенно месть, также имеет давнее происхождение. Хотя все эти моменты так или иначе отразились в рассматриваемом законодательном памятнике, тем не менее они определяют основное содержание «Русской Правды».

Очень интересны статьи, характеризующие социальное положение «мужей» в древнерусском обществе. Можно сказать, что «мужи» — это главный предмет внимания древнейшей «Правды». Живут эти «мужи» в хоромах, окружённые слугами; они не порывают связи с крестьянским

миром. Эти хоромы могут быть сопоставлены с теми укрепленными жилищами, которые хорошо известны нашим археологам. «Мужи» владеют имуществом, которое можно купить и продать. Они способны платить за побои, раны, личные оскорбления. Они-то и являются, видимо, землевладельцами. «Мужи» эти вооружены, часто пускают оружие в ход.

Здесь же, в «Правде», мы видим зависимую от своих господ челядь, которая убегает, которую разными способами разыскивают и возвращают господам; челядин иногда дерзает «ударить свобода мужа» с риском быть убитым в случае обнаружения его преступления. В состав этой челяди, как мы увидим ниже, входят не только рабы, а и попавшие в феодальную зависимость общинники-крестьяне. Мы можем проследить различные проявления социального неравенства; в частности, древнейшая «Правда» много говорит о долгах. Вся эта «Правда» достаточно архаична, но родового строя здесь уже нет.

Очень важные и интересные документы сохранила нам наша знаменитая «Повесть временных лет», составленная в начале XII в., но впитавшая в себя более ранние летописные повести XI века. Являясь сама по себе первоклассным источником, говорящим о высоте культуры Киевской Руси, она сохранила нам ценнейшие документы — договоры Руси с греками. Договоры эти — ярчайший показатель высокого международного положения древнерусского государства. В нашем распоряжении их четыре: 907, 911, 944 и 972 годов. Для нас в данном случае особенно важны первые три.

Совершенно ясно, что договоры заключались между двумя государствами, что на Руси был уже мощный класс, заинтересованный в заключении договоров. Это «великие князья», «светлые бояре» и «мужи». Все они находятся под рукою киевского князя.

Договор 944 г. позволяет определить, кто эти «мужи», их материальную базу, степень прочности их экономического и политического положения. В этом договоре имеется перечень послов, направляемых в Константинополь для заключения договоров, а также имена тех могущественных и знатных лиц, от имени которых отправлялись послы.

Сейчас мы можем не сомневаться, что все эти знатные и облеченные властью «мужи» были крупными землевладельцами. И что особенно для нас сейчас важно подчеркнуть, — землевладельцами не со вчерашнего дня, а имеющими свою длительную историю, успевшими укрепнуть в своих вотчинах. Об этом говорит хотя бы тот факт, что со смертью главы семьи во главе такого знатного дома становится его жена (например, Предслава, Сфандра). «Русская Правда» подтверждает это положение: «что на ню (жену. — Б. Г.) муж возложил, тому же есть госпожа» (Троицкий список, ст. 93). То же мы видим и в «Польской Правде» (так называемой «Книге Прав» в ст. XXI) и в других славянских памятниках XIII века.

Это говорит об устойчивости этих дворов знати, дворов в смысле не только хозяйственном, но и в смысле комплекса людей, собранных под властью хозяина. Так было в самом начале X века. Несомненно, такое положение существовало и раньше.

К счастью для нас, «Повесть временных лет» попутно, по ходу повествования, даёт нам ценнейшие сведения о землевладении князей, о наличии у них дворов-замков, личном составе этих дворов. «И есть село её (кн. Ольги) Ольжичи доселе» (Лаврентьевская летопись под 947 г.). Вышгород был ольгиным «градом», то есть замком. Ей же, кн. Ольге, принадлежало село «Будутина весь». Князь Владимир Святославич отвёл своей жене Рогнеде усадьбу на берегу реки Лыбеди («посади на Лыбеди, идеже ныне стоит сельцо Предславино») и т. д.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что эти факты являются естественным продолжением истории землевладения на Руси, истории, начавшейся очень давно, с момента появления частной соб-

ственности на землю и распада родовых отношений. Но, кроме этих единичных и не вызывающих у нас никаких сомнений фактов, у нас имеются и другие сообщения той же летописи, так сказать, обобщающего характера.

Автор «Начального свода», попавшего в I Новгородскую летопись, делит историю Руси с древнейших времён до XII в. на два периода. Первый представляется автору более счастливым для Русской земли, потому что господствующие классы не столь интенсивно и жестоко эксплуатировали народную массу. Второй, современный ему период, характеризуется автором как исполненный «ненасытства» господствующих классов, в результате чего появились бедствия: «За наше ненасытство навел бог на ны поганяя; а и скоты наши и села наши и имения за теми суть». Богатство знати автор называет «богатством, неправдою собираемым». Отсюда напрашивается совершенно естественный вывод о том, что «скоты», «сёла» и «имения» существовали не только в период составления летописи и заключения договоров с греками, но и гораздо раньше.

Итак, у нас есть основания видеть наличие первых признаков частной собственности на землю приблизительно в VI—VII веках. К этому же времени мы должны отнести и зарождение землевладельческой знати, то есть привилегированных землевладельцев, эксплуатировавших чужой труд.

Для нашей задачи нам мало знать наличие крупного землевладения и факт эксплуатации чужого труда. Мы должны исследовать вопрос о том, кого именно эксплуатировали русские крупные землевладельцы VIII—XI веков. От того или иного решения этого вопроса зависит и определение общественно-экономической формации всего славянского общества данного периода.

Перед нами очень важная и в то же время трудная проблема. Решить её можно, только учитывая всю сложность внутренних социальных процессов, происходивших в славянском обществе, отдавая отчёт в состоянии производительных сил славянских народов этого времени, а также принимая во внимание общеевропейскую историческую среду, особую международную обстановку, в которой жили и развивались восточные, южные и западные славяне.

При анализе всех этих проблем мы не должны забывать известного теоретического положения Энгельса: «Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостное право в средние века, наёмный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трёх великих эпох цивилизации»⁵.

Мы хорошо знаем, что исторически первой формой эксплуатации человека человеком была эксплуатация раба. Конечно, так было и в древнейший период истории русского общества. Но это ещё не решение всего вопроса. Наличие рабов в данном обществе ещё не даёт оснований определять характер общественно-экономической формации. Вопрос заключается в том, стал ли рабский труд у славян основой производства.

Энгельс, очень внимательно изучавший германское общество раннего периода, пришёл к выводу, что германцы, несмотря на наличие значительного количества рабов, «не довели у себя эту зависимость до вполне развитого рабства... до античного трудового рабства»⁶. Несомненно, что это положение Энгельса в равной мере относится и ко всем славянским народам.

Каковы же причины того, что германцы и славяне миновали стадию рабовладельческой формации? Энгельс прямо указывал на то, что одной из причин этого явления следует считать «варварство» германцев, их отсталый строй. При этом следует иметь в виду то, что уровень произво-

⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 182—183. Госполитиздат. 1950.

⁶ Там же, стр. 162.

дительных сил у славян в период возникновения классов и появления ранних государств (VI—IX вв.) был выше уровня производительных сил, существовавшего в своё время в античных рабовладельческих странах. Сравнительно высокий уровень сельскохозяйственной техники (VI—IX вв.) у славян делал труд раба малопродуктивным и нерентабельным.

Энгельс подчёркивал необходимость рассмотрения социальных процессов «варваров» и в Римской империи в тесной взаимосвязи и взаимобусловленности. Он противопоставлял мир «варваров» с их общинным строем, за которым было будущее, разлагающемуся изнутри, обречённому рабовладельческому обществу.

Следуя положениям Энгельса, мы должны рассматривать сосуществование этих двух миров в диалектической взаимосвязи и взаимодействии. Только при этом условии нам станет понятно, почему «варвары», вступив в борьбу с Римской империей и в конце концов выиграв эту борьбу, не пошли и не могли пойти по тому же социальному пути развития, который к тому времени уже привёл рабовладельческий Рим к столь печальному концу, т. е. к полному краху.

Массы угнетённого римского простого народа, наблюдая общественные отношения соседних «варваров», явно отдавали предпочтение более простым и более справедливым формам жизни «варваров» перед своими собственными. Массы простого римского народа устремлялись в «варварский» мир, как будто их собственная страна была занята неприятелем (выражение Прокопия Кесарийского, под «варварами» имевшего в виду именно славян).

В то время как Римская держава, основанная на рабовладельческом способе производства, разлагалась изнутри, «варвары» успешно развивались и объединялись против общего своего врага — римских рабовладельцев. «Не-римляне, т. е. все «варвары», — указывает товарищ Сталин, — объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»⁷.

«Варвары» разрушили подорванную изнутри Римскую рабовладельческую державу, конечно, не для того, чтобы на её развалинах создавать новый рабовладельческий строй. Тут «варвары» развили и сделали господствующей уже существовавшую на их родине более мягкую, чем рабство, крепостническую форму зависимости, форму, «стоящую... высоко над рабством...»⁸, благодаря чему Европа смогла сделать огромный шаг вперёд, несмотря на то, что «варварский» строй жизни был в некоторых отношениях примитивнее «цивилизованного» рабовладельческого римского общества.

Славяне, пришедшие на византийскую территорию, не смогли бы найти почву для соглашений с народными массами, страдавшими от режима рабовладельческого государства, если бы они сами были рабовладельцами и несли бы на своих знамёнах лозунги рабствования.

Нам сейчас хорошо известно, что объединило славян с народными массами Византии. Об этом ясно говорит византийский «Земледельческий закон», возникший в VIII в., когда, по выражению Константина Багрянородного, Балканский полуостров «ославянился». Процесс этот заключался не только в том, что славяне овладели балканской территорией, но и в том, что на Балканах привились славянские формы общественной жизни и славянский язык. А это могло случиться только при условии сочувствия этим формам масс туземного, неславянского населения. «Земледельческий закон», созданный в Византии в связи с распространением славян, а может быть, и других «варваров», в этом отношении очень инте-

⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 296.

⁸ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 162.

ресен. Здесь перед нами свободная крестьянская община. Своим существованием она оживила и заглохшую было византийскую общину. «Местные общины,— пишет по этому поводу советский византинист,— находившиеся ещё недавно в состоянии глубокого упадка, расцвели новой жизнью в связи с славянской колонизацией VI—VII вв.»⁹

Всё это свидетельствует о том, что рабовладение не только не господствовало в славянском обществе в VI—VIII вв., а что славяне были активными борцами с рабовладением, чем и привлекли к себе народные массы рабовладельческих стран.

Следовательно, наиболее приемлемым, во всяком случае, не противоречащим всему нам известному будет суждение, что в крупных имениях русским знати, отмеченных в договорах с греками, доминировала эксплуатация не рабов, а смердов. Отсюда необходимо признать эти вотчины организованными по феодальному образцу.

Если представить себе весь процесс в конкретности, руководствуясь марксистским пониманием сущности родового строя, его распада и зарождения феодальных отношений, то станет вполне понятно, почему В. И. Ленин счёл возможным говорить о том, что крепостничество существует на Руси с IX века.

Итак, мы не ошибёмся, если скажем, что начиная с IX в., во всяком случае, можно говорить о наличии на Руси феодального способа производства, можно говорить об оформлении феодального базиса.

В этих условиях было вполне закономерным появление сравнительно небольших государственных образований Куявии, Славии и Артании (вторая половина VIII в. — IX в.), а затем и образование обширного древнерусского раннефеодального государства.

Оформившийся к этому времени господствующий класс был заинтересован в создании сильного государства — орудия классового господства землевладельцев. «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения.

Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку»¹⁰.

Нет сомнения в том, что возникшие в VIII—IX вв. небольшие государства, объединившиеся несколько позднее в обширное древнерусское государство, были уже феодальной надстройкой.

Феодальная надстройка, возникнув на основе феодального базиса, сама «становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы»¹¹.

Учение И. В. Сталина о базисе и надстройке позволило нам под новым углом зрения рассматривать весь докиевский период, когда вызревал и формировался базис, период большого древнерусского государства, когда феодальная надстройка стала «величайшей активной силой», когда она активно содействовала оформлению и укреплению своего базиса, и, наконец, период феодальной раздробленности, когда сказались уже в полной и окончательной мере результаты деятельности этой надстройки.

Вооружённые учением И. В. Сталина о базисе и надстройке, мы можем более чётко и более глубоко, чем раньше, представить себе длительное развитие восточнославянского общества, представить себе сложный

⁹ Е. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сборник, стр. 142. М. 1945.

¹⁰ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 5. Госполитиздат. 1950.

¹¹ Там же, стр. 7.

исторический путь древнерусского государства от князей Куявии до Владимира, от князя Ярослава до Владимира Мономаха.

Сильное государство, возглавленное киевским князем, имевшим в своём распоряжении аппарат власти, большое войско, должно было обеспечивать выполнение хорошо известных функций: держать эксплуатируемое большинство в узде и в то же время защищать свои границы и овладевать новыми территориями, необходимыми господствующему классу для расширения сферы эксплуатации.

Мы хорошо знаем, что и внутренняя и внешняя политика киевских князей была подчинена именно этим задачам. На помощь феодальному государству пришла и церковь. Государство активно помогало землевладельцам ликвидировать остатки первобытно-общинного строя, помогало подчинить свободных ещё общинников власти феодалов.

Оформлению и укреплению феодального базиса служил и такой важный, дошедший до нас законодательный памятник, как «Русская Правда». Следует подчеркнуть, что этот содержательнейший сборник восточнославянских, иначе русских, законов слагался длительное время и отражает следы развития русского общества на протяжении многих веков.

«Русская Правда» состоит из трёх частей. Первая, древнейшая, её часть не датирована и на основе сопоставления некоторых статей с открытиями советских археологов может быть отнесена, как уже говорилось, к VII—VIII векам.

Вторая часть «Русской Правды» датирована временем смерти Ярослава и совещания его сыновей, составивших новую «Правду» на основе старой, внося туда ряд изменений и новшеств. Это середина XI века.

Третья часть — в большей мере продукт законодательной деятельности Владимира Мономаха, явившегося в Киев в связи с известным восстанием горожан и сельского населения 1113 года.

Если всмотреться во все три части «Русской Правды», то нетрудно будет заметить, как русское общество развивается по этапам, как заметно отмирают пережитки родового строя, как интенсивно происходит процесс феодализации общества, как феодальная надстройка помогает оформиться и укрепиться феодальному базису.

«Русская Правда» — закон феодальный. Он защищал интересы господствующего класса феодального общества, то есть крупных землевладельцев, укреплял их права на землю и сидящих на этой земле земледельцев-крестьян, которых тогда называли смердами.

Много важных деталей из жизни как высших классов общества, так и «низов» отмечено в «Русской Правде». Мы можем войти в жилище феодала, увидеть его хозяйство, непосредственно зависимых от него производителей разных категорий (смерды, рядовичи и холопы), можем увидеть, как и в каких условиях работают эти люди, как трудно им живётся, как дёшево ценится их жизнь.

Мы знаем, что смерды не относились к феодализации общества пассивно. Вставая на путь борьбы с классом феодалов, смерды, как сообщает летопись, часто брались за оружие. Нам известны большие антифеодальные восстания древнерусского крестьянства. Такие восстания происходили в 1068—1071 и в 1113 годах. Однако крестьяне боролись со своими господами и другими, менее заметными, но систематически действовавшими средствами: они запахивали господскую межу, перехватывали господскую птицу и домашних животных, иногда убивали господских приказчиков. Все эти формы классовой борьбы крестьянства против своих феодалов нашли отражение в «Русской Правде». Господствующий класс землевладельцев-феодалов отвечал на эти крестьянские выступления суровыми наказаниями, а иногда был вынужден прибегать к лавированию и временным компромиссам. «Русская Правда» в полной мере отразила эту политику господствующего класса феодалов. Мы видим, таким образом, что древне-

русское законодательство помогало оформиться и укрепиться феодальному базису.

Мы видим, что надстройка действительно превратилась в величайшую активную силу. Государство в лице киевского великого князя помогало боярству путём раздачи земель, укрепления и расширения его власти над крестьянством, т. е. в конце концов содействовало превращению старой боярской вотчины в сеньерию. Изменялась при этом и форма эксплуатации крестьянства в крупных владениях сеньёров.

Если в IX—X, отчасти в XI в. (по крайней мере, в первой половине XI в.) вотчинник эксплуатировал челядь (в состав которой входили рабы, рядовичи, смерды) путём примитивной отработочной ренты, когда челядь работала непосредственно на хозяина и под его наблюдением (чаще его приказчиков), то сеньёр стал получать всё необходимое от массы зависимого от него крестьянства преимущественно в форме оброка, т. е. в форме ренты продуктами.

Этот переход к ренте продуктами Маркс считал явлением прогрессивным, учитывая при этом и роль надстройки. Менялась форма эксплуатации, продолжалось общее наступление феодалов на свободное крестьянство при активной поддержке государства. В XI в. это вызвало волны народных антифеодальных восстаний. Однако феодальное государство было уже настолько окрепшим, что оно нашло в себе силы подавить эти восстания и в ещё большей мере укрепить власть феодалов над крестьянством. Боярин превращался в сеньёра, государя для своих подданных, сюзерена по отношению к своим дружинникам.

Рост производительных сил на местах создал возможность появления и экономического развития новых экономических и политических центров, конкурентов «матери городов русских» — Киеву. Необходимость усилить власть над местным крестьянством, с оружием выступившим против наступающих на него феодалов, вызвала потребность в перестройке государственной власти, в организации власти на местах. Эти обстоятельства ещё больше усиливали независимость знати и привели к расчленению древнерусского государства.

Рост земельных владений знати, расширение их прав на землю и сидящее на этой земле крестьянское население (так хорошо показанное в проповеднической литературе киевского периода), т. е. достижение тех целей, которым содействовало государство Игоря, Святослава, Владимира, сделали ненужной старую форму государства. Теперь знать создаёт новую форму государства, способствующую дальнейшему росту политической независимости магнатов на местах. Так, в результате расчленения древнерусского государства создаются отдельные княжения. Симптомы этого расчленения государства стали заметны уже в самом начале XI в. (поведение Ярослава в Новгороде). Факт стал совершенно очевидным в середине XI века. Надстройка сыграла активную роль в дальнейшем развитии феодального базиса, изменения же в базисе, в свою очередь, не замедлили сказаться на самой надстройке.

В рассматриваемый период произошли важные перемены и в организации вооружённых сил. Вызревание и оформление феодального базиса, возникновение феодальной надстройки в IX в. не могли не оказать влияния на организацию войска в государстве.

Нам известна организация вооружённых сил в период военной демократии. Это вооружённый народ, организованный на военный лад по десятичной системе. Но если в этот период военной демократии войско и народ составляли одно целое, то с появлением классов и раннефеодального государства роль и положение войска изменились. Правда, по форме вооружённые силы раннефеодального древнерусского государства кое в чём преимущественно были связаны с организацией войска периода военной демократии. Во времена Олега, Святослава, Владимира значительная часть огромного войска состояла из ещё свободного сельского и городского на-

селения. В источниках эти воинские «формирования» назывались «воями». Они собирались по мере надобности. По существу, однако, все вооружённые силы страны этого периода — дружина, вой, вспомогательные отряды — являлись частью государственного аппарата. Социальное назначение этого войска, несмотря на его формальную преемственность с войском предшествующих периодов, было иным. Оно было той силой, которая помогала господствующему классу осуществлять функции раннефеодального государства.

Перед древнерусским государством Олега, Святослава, Владимира стояли огромные задачи как внутривосточного, так и международного характера, для осуществления которых сильное и многочисленное войско являлось необходимостью. В том хорошо известном факте, что киевские князья обладали возможностью мобилизовать и вооружить большое количество сельского и городского населения, нельзя видеть проявления величайшей активной роли надстройки — роли сильного раннефеодального древнерусского государства.

Однако процесс дальнейшей феодализации восточнославянского общества, ускоренный активной деятельностью феодальной надстройки (усиленный рост феодального землевладения, подчинение всё больших масс сельского населения феодалам и т. д.), закономерно сказался и на состоянии древнерусского войска.

Укрепление в своих экономических и политических позициях бояр шло параллельно с уменьшением количества свободных смердов. Прежний военный строй, основанный на несении военной службы лично свободными смердами, стал уже невозможен. Вооружить за счёт государства большое войско киевский великий князь уже не мог.

Военную силу в виде дружин содержали бояре. Понятно, почему Владимиру Мономаху пришлось не приказывать, а уговаривать князей и бояр объединить свои военные силы для похода на половцев. Он уже не мог делать походы так, как их совершали Олег, Игорь, Святослав и Владимир. Если Олег, Игорь, Святослав и Владимир располагали большими военными силами и вели в походы против Византии десятки тысяч вооружённых людей, собранных по распоряжению киевского князя, то Владимиру Мономаху в 1097 г. уже пришлось считаться с новым политическим строем, с новой формой организации военных сил.

Прозвучал и был узаконен новый лозунг «каждо (из князей.— Б. Г.) да держить отчину свою». Каждый из князей со своими вассалами распоряжается и своими вооружёнными силами.

Чем объяснить столь заметную перемену в надстройке? Конечно, тем, что произошли изменения в самом базисе, т. е. в экономическом строе общества.

На протяжении IX—XI вв. Киевская Русь пережила два этапа, чему соответствовали две разновидности государственного строя. Они соответствовали переменам, происходившим в базисе.

Можем ли мы считать древнерусское государство в оба эти периода своей истории феодальным? Можем, потому что совокупность производственных отношений, составляющая экономическую структуру общества, т. е. его базис, остаётся в своей основной сущности всё время феодальной: эксплуатация зависимого крестьянства является характерной для всего этого периода. Растут кадры зависимого крестьянства, под власть землевладельца попадают новые слои крестьянства, меняется форма эксплуатации зависимого крестьянства. Начинает преобладать рента продуктами. Но «превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты»¹².

¹² К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 807. Госполитиздат. 1950.

Мы убедились в том, что процесс вызревания и возникновения феодализма в России — это длительный процесс, развивающийся по этапам, следы которых нам удалось вскрыть.

Новые археологические данные и показания письменных источников (арабских, византийских и собственно русских), рассмотренные в свете сталинского учения о базисе и надстройке, позволяют трактовать VI—VIII вв. в истории восточного славянства как переходный период от родового строя (на последней стадии его развития) к классовому, феодальному обществу, как переходный период от «военной демократии» к раннефеодальному государству.

Этот период можно назвать «полупатриархальным — полуфеодальным». Действительно, это был период, когда в восточнославянском обществе происходило становление феодальных отношений в условиях разложения общинно-патриархального строя, когда на основе развивающегося имущественного и политического неравенства возникли классы, стала появляться частная собственность на землю, стало развиваться крупное землевладение и эксплуатация землевладельцами крестьян-общинников; это был период, когда появились у восточных славян и первые политические объединения.

IX век застаёт завершение этого процесса в форме огромного древнерусского раннефеодального государства. В течение IX—XI вв. при активном содействии надстройки происходит дальнейшая феодализация древнерусского общества.

Так представляется мне возможным решить проблему о генезисе феодализма в нашей стране.

Это не совсем похоже на то, как мы изображали этот процесс до недавнего времени. Работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», значение которой далеко выходит за пределы вопросов языкознания, дала историкам мощный толчок для углубления проблемы о соотношении базиса и надстройки, важной вообще и столь существенной именно для понимания генезиса феодальных отношений. Работа товарища Сталина помогает осветить по-новому ряд вопросов, в том числе и проблему генезиса феодализма в нашей стране.
